
НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ «БАЛАНСА СИЛ»

В последние годы в связи с 200-летним юбилеем США американские историки проводят новую инвентаризацию отечественного духовного наследия. Делается это не столько из патриотизма и любви к истине, сколько ради вполне конкретных задач: выяснить и отобрать в историческом опыте страны все то, что может помочь решению сложных проблем, стоящих перед Вашингтоном на пороге третьего столетия существования США. В наше время, когда в мире соревнуются две социально-экономические системы — социализм и капитализм, — усилия устроителей юбилея направлены в первую очередь на то, чтобы попытаться доказать, что идеи и практика Американской революции открыли магистральную дорогу для всего человечества.

В массе всевозможных идеологических концепций, пущенных в обращение в связи с юбилеем, особое внимание уделяется вопросу о «цене революции». В изданиях, выходящих к 200-летию войны за независимость, проводится мысль, что Американская революция носила умеренный характер и что новому государству с самого начала его существования благодаря мудрости и осмотрительности «отцов-основателей» был придан в высшей степени стабильный характер. Для обоснования этого тезиса буржуазные историки ссылаются на методы внешней политики, которые применяли политические деятели, стоявшие у истоков американской независимости. В массовой литературе и академических трудах, появившихся в последние два десятилетия, подчеркивается, что восставшие колонии смогли победить благодаря иностранной помощи¹. В результате, с одной

стороны, декларируется законная гордость за тех, кто с оружием в руках выступил против метрополии и провозгласил передовые для своего времени принципы государственно-общественного устройства, а с другой — приводятся прямые указания на то, что победа была достигнута главным образом усилиями и жертвами пришлых людей. Парадокс этот, однако, мнимый и воспринимается так, пожалуй, только при поверхностном отношении к истории войны за независимость. Подчеркивание значения иностранной помощи, оказанной американским колонистам, должно свидетельствовать о сугубо рациональном характере политики «отцов-основателей» США и фактически служит прославлению их приверженности к канонам доктрины «баланса сил» как руководства к действию. Имеется в виду, что умелое использование ими противоречий между европейскими державами и в особенности колониального соперничества Англии, Франции и Испании послужило щитом, прикрывшим молодое государство, и облегчило борьбу за достижение им полной независимости.

По подсчетам американского профессора М. Смелсера, материальный вклад США и Франции в дело американской независимости выглядит следующим образом: «Франция истратила на американскую независимость примерно 2,5 млрд. долл., а самим американцам она обошлась в 1 млрд. долл. Франция, следовательно, отдала за нее 2,3% валового национального продукта. Без французской помощи не было бы победы»². К этому нужно добавить существенные субсидии, поступившие из Испании. В Америке против английских армий сражались войска из Франции и Испании, а действия флотов этих держав заставили Лондон серьезно опасаться за безопасность

¹ E. Ferguson. *The American Revolution. A General History. 1763—1790*. N. Y. 1974; D. Boorstin. *The Americans: The Colonial Experience*. N. Y. 1958; «*The Spirit of Seventy Six. The Story of the American Revolution as Told by Participants*». N. Y. 1967.

² M. Smelser. *The Winning of Independence*. Chicago, 1972, p. 129.

Британских островов, не говоря уже о том, что затруднили Англии ведение военных действий по ту сторону Атлантики.

Существенное значение для благоприятного исхода войны за независимость имела позиция России. Восстание британских колоний явилось поводом для Петербурга продолжать борьбу с Англией. Россия провозгласила «вооруженный нейтралитет», а в 1780 г. по ее инициативе была создана «Лига нейтральных», объединившая ряд государств Европы. Как отмечал А. В. Ефимов, «провозглашение вооруженного нейтралитета окончательно дипломатически изолировало Англию и подорвало ее могущество на море. Таким образом, Россия и в этом вопросе оказала поддержку Соединенным Штатам»³. Помощь России была высоко оценена руководителями американской революции. Н. Н. Болховитинов особо подчеркивает, что именно в годы войны за независимость возникла традиция реалистических отношений между США и Россией, которая являлась производной от положения и политики этих двух держав на мировой арене⁴. Объективно это способствовало укреплению американской независимости⁵.

В юбилейной апологетической литературе с явным прицелом на современность подчеркивается, что в критические годы становления США руководители войны за независимость оставались прагматиками и отнюдь не гнались за идеологическими фантомами. В силу этого союз с Францией, этим вековым врагом американских колонистов, не представлял для них моральных затруднений. Исследователь франко-американского союза 1778 г. В. Стинчкомб проанализировал реакцию американцев на установление дружественных отношений с королем Людовиком XVI и привел ряд убедительных доказательств того, что заокеанские революционеры не испытывали никаких угрызений совести по поводу союза восставших колоний с Бурбонами. «Американцы,— замечает Стинчкомб,— к концу лета 1778 г. считали, что они сумеют достойно выполнить свои обязательства перед Францией, если последняя будет действовать из убеждения, что само достиже-

ние Соединенными Штатами независимости — достаточное вознаграждение за оказанную ею помощь. Излагая американскую позицию, генерал Горацій Гейтс в письме французскому флотоводцу д'Эстэнгу поучал, что Франции нет необходимости вести завоевательную войну. Гейтс объяснял, что Британия руководствуется политикой «баланса сил» и проводит ее с таким искусством, что в ней трудно усмотреть какие-нибудь промахи. Союз (с США.—И. П.) дает возможность Франции продемонстрировать всей Европе жестокость и угнетение Англии»⁶. Обращает на себя внимание ироническое отношение Стинчкомба к аргументам американского генерала. Впрочем, исследователь, пытающийся выяснить соотношение высоких и прозаических интересов в мышлении тогдашних американских борцов за свободу, едва ли может занять иную позицию. Заметил же В. Ливингстон, сумевший объединить истовое пуританство с громадным состоянием, в письме адъютанту Дж. Вашингтона Лоренсу: «Его христианнейшее величество очень хитрый парень, и я пью за его здоровье всегда, когда есть вино, хотя и полагаю, что пить тодди (пунш) за здоровье великого монарха ужасно и унижает его достоинство. Надеюсь, что его католическое величество скоро даст нам возможность воздать ему должное по законам этикета, однако если есть основания в слухах английских газет о том, что у нас будет договор и на Средиземном море, то я не забуду об императоре Марокко как великом магометанине»⁷.

Иными словами, независимо от риторики, те, кто руководил войной за независимость, строго различали слова и дела. Они приветствовали оказываемую им помощь, невзирая на то, что она исходила от Бурбонов, то есть тех самых тиранов, от которых американские революционеры поклялись освободить человечество. Единственным мотивом, связывавшим высокие идейные соображения и политику «баланса сил», были государственные интересы США. Проводя сугубо прагматическую политику, «отцы-основатели» умело использовали революционный подъем масс, искренние устремления простых американцев, стремившихся к независимости своей страны. В результате далеко не всегда в потоке фраз угадывались трезвые и расчетливые дей-

³ А. В. Ефимов. Очерки истории США. М. 1955, стр. 113.

⁴ Н. Н. Болховитинов. Становление русско-американских отношений 1775—1815. М. 1966, стр. 599—600.

⁵ Н. Н. Болховитинов. Русско-американские отношения 1815—1832. М. 1975, стр. 570.

⁶ W. Stinchcombe. The American Revolution and French Alliance. Syracuse, 1969, p. 29.

⁷ Ibid., p. 31.

вия тех, кто возглавил вооруженную борьбу против Британии. Когда США добились независимости и война, как и односторонний отказ от договора с Францией 1778 г., осталась позади, этот курс был рационализирован Дж. Вашингтоном в «прощальном обращении к стране». «Отец страны» писал: «Нация, которая относится к другой с привычной ненавистью или привычными добрыми чувствами, в определенной степени является рабом. Такая нация — раб своей враждебности или своих добрых чувств, любого из двух достаточно, чтобы увести ее от своего долга и интересов»⁸. Это общее положение содержит тезис, высказанный Вашингтоном еще в 1778 г.: «Когда бы между европейцами ни возникал конфликт, мы сможем извлечь выгоду из их безумств, если мудро и должным образом воспользуемся преимуществами, дарованными нам географией, и будем действовать осмотрительно»⁹. И если ныне в ходе юбилейных торжеств буржуазные ученые США напоминают об этом, то причина тут очевидна: политика эта не была импортирована за океан из Европы, а с самого начала входила в стратегический арсенал, с которым США начинали свой путь как суверенная страна.

Теория и политика «баланса сил» детально разработаны и чрезвычайно широко освещены в американской литературе. В общих чертах эта политика сводится к следующему: государство, которое ее проводит, старается занять позицию «третьего радующегося» в спорах между державами и тем самым поставить себя в наиболее выгодное положение, пользуясь которым оно может диктовать свои условия и навязывать волю спорящим сторонам, когда они достаточно ослабнут в результате своего соперничества. Простейшим вариантом политики «баланса сил» считается такая ситуация, когда два из трех государств (или союзов государств) находятся в конфронтации, будь то в условиях мира или войны. В этом случае государство, не находящееся в конфронтации с одной из спорящих сторон, занимается подогреванием противоречий между ними, в то же время внимательно следя за тем, чтобы ни одна из сторон не получила решающего превосходства. Естественно, государство-арбитр («балансир») должно обладать большим военным

и экономическим потенциалом, действуя таким образом, чтобы не дать ни одной из сторон взять верх, попеременно оказывая в случае необходимости поддержку то одной, то другой, сохраняя «силовое равновесие». Это самый простой вариант политики «баланса сил». Существует немало других, более сложных, но в конечном итоге в основе всех их лежит классическая схема «треугольника».

Теоретическая разработка этой концепции в широких масштабах началась после второй мировой войны, несмотря на то, что США, учась на опыте классического применения этой теории Англией, на протяжении всей своей истории с самого начала придерживались политики «баланса сил». Большой вклад в разработку традиционного американского понимания этой доктрины внес проф. Г. Моргентау¹⁰. В духе именно этого понимания писал, например, профессор Мичиганского университета А. Органский: «Балансир — это государство или группа государств, которые держатся в стороне от соперничества между другими странами... Независимо от того, какая из сторон приобретает преимущество в силе, балансир примкнет к ее сопернице. Концепция балансира является краеугольным камнем всей теории. От балансира требуется величайшее политическое мастерство; кроме того, государство (или группа государств), выполняющее эту роль, должно обладать огромной мощью, чтобы быть в состоянии решительно перетянуть чашу весов в пользу страны, с которой оно солидаризируется»¹¹.

Эти схемы имеют отнюдь не умозрительное только значение, они лежат в основе политики. Бывший специальный помощник президента Л. Джонсона У. Росту писал: «Поскольку объединенные ресурсы Евразии могли бы поставить Соединенные Штаты перед серьезной опасностью военного разгрома, американские интересы должны заключаться в том, чтобы ни одной державе или группе держав, враждебных или потенциально враждебно настроенных к США, не было позволено доминировать в этом районе или на его существенной части»¹². США, по мнению американских теоретиков, выгод-

⁸ «Compilation of the Messages and Papers of the Presidents. 1789—1897». Ed. by Richardson. Vol. I, p. 222.

⁹ Цит. по: Y. Rippey. America and Strife of Europe. Chicago. 1937, p. 16.

¹⁰ См.: H. Morgenthau. Politics in the 20-th Century. Vol. I. The Decline of the Democratic Politics. Chicago. 1962; e j u s d. A New Foreign Policy for the United States. N. Y. 1969.

¹¹ A. Organski. World Politics. N. Y. 1968, p. 278.

¹² W. Rostow. The United States in the World Arena. N. Y. 1960, p. 544.

на «многополярность» Европы и Азии, расчлененность Старого Света на несколько средоточий «силового тяготения», наличие там как минимум двух полюсов государственного могущества, что является предпосылкой для активного проведения политики «баланса сил».

Оценивая современную роль Соединенных Штатов на международной арене, американские политологи опираются не только на отечественный опыт, но и сравнивают нынешнее положение США с местом Англии на международной арене в XIX веке.

Они напоминают, что тогда позиции Англии как мирового гегемона обеспечивались ее обособленным, островным положением. Сама география, подчеркивают они (определенно тяготея к геополитике), толкала эту страну на принятие доктрины «баланса сил». В XIX в., рассуждают они, Великобритания держала в своих руках аппарат «балансирования» и благодаря этому добивалась мирового господства. В XX в. этими возможностями стали, по их мнению, располагать США. Известный американский специалист по вопросам военной стратегии Х. Болдуин замечает, что «география предоставляет преимущества, человеку остается использовать их». Надо, поучает он, действовать так, как в свое время указывал Дж. Вашингтон. «Во второй половине XX века в распоряжении «континентального острова» — Соединенных Штатов есть только одна жизнеспособная политика. Это политика, которую все американские администрации проводили после окончания второй мировой войны. Это политика международного взаимодействия и региональных союзов и группировок, политика совместных усилий, подкрепленных превосходящей американской мощью. В конечном счете — это политика баланса сил»¹³.

Современные американские политические прагматики подчеркивают, что они придерживаются принципов практицизма и утилитаризма. Они, в частности, ссылаются на один из канонов подобной стратегии, сформулированный еще в прошлом веке лордом Пальмерстоном, который говорил, что у государства, придерживающегося такой политики, не может быть ни постоянных друзей, ни постоянных врагов¹⁴. Этот завет воспринимается современными американскими теоретиками как одно из доказа-

тельств утилитаризма, отличающего доктрину «баланса сил». Так, Г. Моргентау, характеризуя образ действий «балансира», отмечал: «Страна-балансира в течение относительно короткого периода истории может последовательно становиться другом и врагом всех крупнейших держав... Перефразируя слова Пальмерстона, можно сказать: у государства-балансира нет постоянных друзей, так же как у него нет и постоянных врагов; единственным постоянным интересом такого государства является поддержание баланса сил как такового»¹⁵.

Абсолютная «свобода рук» государства-балансира обосновывается американскими теоретиками и с помощью философских посылок, содержащихся в концепции «политического реализма». Исходное положение «политических реалистов» сводится к тому, что между государствами происходит вечная и непрерывная борьба, которая является продолжением борьбы между народами и отдельными людьми, обусловленной будто бы исконными, продиктованными природой инстинктами. Один из столпов американского «политического реализма», Р. Нибур, писал: «У каждой социальной группы, как и у каждого индивида, есть экспансионистские замашки, коренящиеся в инстинкте самосохранения и часто выходящие за пределы требований этого инстинкта. Так воля к жизни превращается в волю к власти... Общество пребывает в бесконечном состоянии войны... Для восприимчивого сознания общество всегда будет напоминать джунгли, каковыми оно и является на самом деле»¹⁶. Такая борьба, по мнению «политических реалистов», проявляется в форме столкновений между государствами, независимо от идеологии, которую они разделяют.

Если в первые годы после второй мировой войны американские теоретики исходили из концепции «биполярного» мира, то сейчас они, как правило, придерживаются представлений о его «многополярности». Такой поворот произошел в результате изменений на международной арене. В свое время вашингтонские стратеги именно концепцией «биполярности» обосновывали свой курс на конфронтацию с СССР. На самом же деле основой этого курса было стремление доминировать над всем миром. Рост

¹³ H. Baldwin. Strategy for Tomorrow. N. Y. 1970, pp. 84, 292.

¹⁴ См. А. Каренин. Философия политического насилия. М. 1971, стр. 119.

¹⁵ H. Morgenthau. Politics among Nations. N. Y. 1960, p. 194.

¹⁶ R. Niebuhr. Moral Man and Immoral Society. N. Y. 1960, pp. 18, 19, 81.

могущества и влияния СССР и всей социалистической системы, успехи национально-освободительного движения, с одной стороны, усиление разногласий в лагере капитализма, появление там таких сильных конкурентов США в экономической области, как Япония и ФРГ,—с другой, наконец, антисоветский, откровенно направленный на соглашение с империалистическими странами курс Пекина — таковы были факторы, которые побудили американских стратегов перейти к концепции «многополярного» мира. Эта концепция, которая сейчас находит все большее число сторонников, отнюдь не нова.

В сущности, таким всегда был мир, особенно в те времена, когда адепты концепции «евроцентризма» считали его однозначным Европе. Не заходя далеко в глубь истории, достаточно указать на мир XIX столетия, а классический пример дает период между двумя мировыми войнами, когда существовали четко определенные «центры силы». Известно также, что из силовой конфигурации 1919—1939 гг. империалистические державы сделали практические выводы для своей внешней политики, разумеется, с учетом классовых соображений — существования первого в мире социалистического государства. Теперь, когда «биполярность» ушла в прошлое, американские теоретики «открывают Америку», они исходят из того, что в мире существует система «центров силы» стран или блоков, расположенных в разных районах мира. Американские политологи считают, что в современном «многополярном» мире имеется пять таких центров — США, СССР, Западная Европа, Япония, КНР, хотя силы их, разумеется, неодинаковы.

Такие приверженцы концепции «многополярности», как К. Дейч, Д. Сингер, и другие утверждают, что «по мере того, как мировая система отходит от биполярности и переходит к многополярности, вероятность войны, как следует ожидать, должна уменьшиться»¹⁷. Они полагают, что в условиях «многополярности» страны, вступившие в союзы, имеют возможность кооперироваться со странами, не входящими в них, что обеспечивает большую стабильность, чем при «биполярности». К. Дейч и Д. Сингер, в частности, заявляют, что «одной из наибольших угроз стабильности любой систе-

мы является недостаток в альтернативных партнерах»¹⁸.

В то же время существует и иная точка зрения, которой придерживаются К. Уолтз, М. Смол и другие. Они считают, что «биполярная» международная система больше соответствует стабильности, чем «многополярная», так как две ведущие державы обладают, как пишет К. Уолтз, «способностью контроля над милитаристскими тенденциями в других странах, могут влиять на них и сохранять баланс сил, основанный на таких компонентах, как военная и техническая мощь»¹⁹.

Существует еще одна точка зрения, которую в наиболее законченном виде сформулировал американский политолог Р. Розенкранс. Он выдвигает концепцию «би-многополярности», которая, по его мнению, имеет немалые преимущества. Считая, что возможность возникновения конфликтов ненамного уменьшается при «многополярном» мире, чем при «биполярном», он пишет: «Хотя напряженность каждого конфликта и уменьшается в многополярном мире по сравнению с биполярным, количество конфликтов будет больше из-за большего разнообразия интересов и требований... В би-многополярном мире два основных государства будут контролировать конфликтные ситуации в других районах, а государства многополярного мира будут играть роль посредников и буферных государств в конфликтах между двумя основными державами. В обоих случаях конфликта вряд ли можно будет избежать, но зато его можно контролировать»²⁰.

Концепции «многополярного», как и концепции «биполярного» и «би-многополярного» мира, отражающие современное состояние политической мысли в США, имеют между собой много общего. Все эти концепции, как бы по-разному они ни звучали, главную роль в мире отводят Соединенным Штатам и доказывают, что им необходимо руководствоваться политикой «баланса сил». Но, как показывает исторический опыт, применение любых вариантов концепции «баланса сил» неизбежно ведет к разжиганию конфликтов между государствами и войнам между ними. Еще в начале 20-х

¹⁸ Ibid., p. 391.

¹⁹ K. Waltz. International Structure, National Force and the Balance of World Power. «Journal of International Affairs», 1967, № 2, p. 229.

²⁰ R. Rosenkrantz. Bipolarity, Multipolarity and the Future. «Journal of Conflict Resolutions», September 1966, p. 318

¹⁷ K. Deutsch and I. D. Singer. Multipolar Power Systems and International Stability. «World Politics». April 1964, p. 390.

годов английский публицист либерального толка Н. Энджел заметил на этот счет: «Баланс сил в действительности всегда означает стремление создать превосходство сил на нашей стороне. Но тогда почему же... мы требуем от других, чтобы они приняли это положение?.. Принцип «баланса сил» означает в действительности требование превосходства... Требование же превосходства сил означает акт агрессии»²¹.

Н. Энджел писал это, имея в виду Англию, но его слова можно в полной мере отнести и к доктрине «баланса сил», проповедуемой в США. Именно эта доктрина определила стратегию участия США в первой и второй мировых войнах. В 30-е годы ее применение означало поощрение агрессора. Влиятельные силы в Вашингтоне надеялись в конечном итоге извлечь из этого для себя выгоду согласно изложенным выше канонам политики «баланса сил». Там полагают, что вооруженная схватка в Европе послужит наиболее полному осуществлению идей, заложенных в концепции «балансирувания», а именно приведет к взаимному военному и экономическому истощению участвующих в войне государств и сделает Соединенные Штаты мировым арбитром.

Как известно, этого не произошло: выяснилось, что механизм «баланса сил» действует отнюдь не безотказно. В философском отношении этой концепции, как и многим другим американским буржуазным теориям, отмечает советский исследователь В. Ф. Петровский, свойствен субъективно-идеалистический, волюнтаристский подход к внешней политике. Отрицая ее классовую природу и социальную заданность, искажая или замалчивая объективную связь, существующую между внутренней и внешней политикой, американские буржуазные теоретики в подавляющем большинстве сбрасывают со счетов объективные закономерности развития международных отношений: они полагают, что последние можно строить как им заблагорассудится. Борьба за силу — это единственный закон, которым они руководствуются, что и определяет то огромное место, которое отводится обоснованию правомерности применения силы. Г. Моргентау в этом отношении более чем категоричен: «Внешняя политика, как любая политика, в сущности, является борьбой за власть». Или: «Политика сводится к борьбе за власть над людьми, и, неза-

висимо от ее конечной цели, достижение этой власти и методы ее приобретения, поддержания и демонстрации определяют технику политических действий»²². Конечно, такой подход далеко не «реалистичен», хотя его творцы и принадлежат к школе «реалистов».

Защищая старую теорию «баланса сил», американские политологи зачастую противоречат самим себе. «Войны могут возникнуть в том случае, если нарушается баланс сил, сохранение же баланса сил способствует мирной ситуации», — пишут Дж. Догерти и Р. Пфальцграф. И добавляют: «В теории баланс сил способствует сохранению мира и независимости государств—членов системы; на практике же политика баланса сил может иногда приводить к войне и разделу территории «менее важного» участника системы...»²³. Тем самым эти авторы признают, что теория «баланса сил» фактически не является, вопреки их же заявлениям, гарантией мира. На самом деле политика «баланса сил» ведет к постоянному соперничеству в военной области, к гонке вооружений и в конечном счете к военным конфликтам.

В наше время, когда на международной арене происходит процесс разрядки, внешнеполитические концепции США претерпевают известную эволюцию. В этих условиях разработка теории международных отношений в США приобретает ряд особенностей. Обнаруживается тенденция к пересмотру государственных приоритетов в сторону большего внимания к внутренним нуждам. Это обуславливает необходимость специального рассмотрения вопросов увязки внешней политики с внутренними проблемами. Отсюда все более распространенное в кругах американских международных убеждений, что «внешняя политика начинается дома» и для успешного ее осуществления необходимо сначала решить внутренние проблемы. «Во внешнеполитических исследованиях важнейшим направлением становится изыскание способов приспособления к быстро меняющейся политической действительности мира. Указывая, что сама по себе «необходимость приспособления политики к меняющимся условиям жизни не является чем-то новым», видный американский ученый, бывший помощник президента Д. Эйзенхауэра,

²² D. Hoogstrate. American Foreign Policy. N. Y. 1960, pp. 20—22.

²³ J. Dougherty, R. Pfaltzgraff. Contending Theories of International Relations. Philadelphia. 1971, p. 36.

²¹ N. Angell. If Britain is to Live. L. 1923, pp. 89—92.

Дж. Кистяковский отмечает, что новизна состоит сейчас в быстроте, с которой развитие науки изменяет условия жизни, и в быстроте, с которой политика, и особенно внешняя, должна приспосабливаться к происходящим изменениям»²⁴.

Линия на приспособление к меняющейся обстановке в определенной степени отражает осознание правящими кругами США необходимости такого внешнеполитического курса, который позволил бы с наибольшей эффективностью и с наименьшими издержками учесть реальности современного мира, и прежде всего такие, как дальнейшее укрепление мощи СССР, мировой системы социализма. В американском исследовании, посвященном современному международному курсу Вашингтона, подчеркивается: нынешняя стратегия США «не повторение сдерживания времен холодной войны, не курс на создание полностью многополярного мира. По сути своей это дипломатическая стратегия, предусматривающая достижение «модус вивенди» с Советским Союзом»²⁵. Объективные исторические процессы вынуждают наиболее реалистически мыслящих американских теоретиков и практиков международных отношений отказываться от политики «баланса сил» и приводят их к признанию того, что мирное сосуществование является единственно возможной формой международных отношений при наличии государств с различным социальным строем. Только в этих условиях борьба идеологий, экономическое соревнование двух систем могут развиваться без угрозы для жизни миллионов людей.

В. И. Ленин, опираясь на тщательный анализ исторической обстановки и на разработанную им теорию социалистической революции, содержащую вывод о возможности победы социализма первоначально в нескольких или даже в одной, отдельно взятой стране, научно обосновал и доказал возможность, более того — неизбежность одновременного существования государств с различным социальным строем в течение целого исторического периода, а также желательность, целесообразность с точки зрения интересов социализма мирных форм этого сосуществования, или, как он говорил,

«мирного сожительства»²⁶. Принцип мирного сосуществования является альтернативой политике «баланса сил». Этот принцип, положенный социалистическими странами в основу их внешней политики, приемлем для всех без исключения государств, так как он зиждется на таких основах международного права, как уважение суверенитета и независимости государств, невмешательство во внутренние дела других стран, отказ от применения силы или угрозы применения силы в отношениях между государствами.

Во всех буржуазных теориях в области международных отношений, в частности американских, не учитывается такой фактор, как действия народных масс. В. И. Ленин писал, что «прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий»²⁷. Не учитывая роли масс в процессе формирования международных отношений, буржуазные политологи и сегодня допускают серьезные просчеты. Марксистско-ленинская наука международных отношений строится на учете и анализе соответственного значения объективных факторов. Буржуазному видению системы международных отношений марксизм-ленинизм противопоставляет реальный мир, в котором действуют подлинные творцы истории — народные массы. Тогда зримо предстают надуманность и субъективизм различных теорий, связанных с принципами «баланса сил», канонизированными буржуазными теоретиками. Ленинский подход к событиям международной жизни дает ключ к научно обоснованной критике этих теорий.

В. И. Ленин уделил много внимания разработке проблемы, имевшей громадное значение для молодой Республики Советов, — соотношению сил на мировой арене. Ленинские работы по этому вопросу дают возможность резко разграничить концепцию «баланса сил» от подлинно научного понимания проблемы соотношения сил, которое определяется не субъективными, надуманными категориями, а реальными факторами международной жизни. Именно из них В. И. Ленин и делал выводы о возможности и неизбежности мирного сосуществования государств, независимо от их социально-экономического строя. В ряде своих

²⁴ Цит. по: В. Ф. Петровский. Внешняя политика США: теоретический арсенал. М. 1973, стр. 7.

²⁵ R. Osgood and others. Retreat from Empire. The First Nixon Administration. Baltimore. 1973, p. 10.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 40, стр. 145.

²⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 57.

работ он рассмотрел вопрос о соотношении сил Советской России и капиталистического мира. На первый взгляд о равновесии в то время не могло быть и речи, но уже в «Плане доклада на IX Всероссийском съезде Советов» В. И. Ленин указывал: «...Международное положение: неустойчивое, но некоторое равновесие... 4. Элементы этого равновесия: I а) мы устояли против всех II б. б) сила нашего сплочения с рабочими и трудящимися всех стран оказалась больше, крепче, могучее, чем сплочение, сцепка капиталистических стран между собой»²⁸. Равновесие сил в такой ситуации достигалось тем, что, кроме военной мощи, на чашу весов легли другие факторы, а именно: моральное, идеологическое сплочение советского народа, интернациональная поддержка международным рабочим классом Республики Советов, в то время как капиталистический мир раздирали противоречия. В. И. Ленин отмечал: «Известное равновесие создано. Это—объективное, не зависящее от наших побед политическое положение, которое показывает, что мы оценили глубину противоречий, связанных с империалистической войной, и мерим правильнее, чем... другие державы, у которых при всех их победах, при всей их силе выхода до сих пор не нашлось и не находится. ...Мы имеем перед собой в высшей степени неустойчивое, но все же несомненное, неоспоримое известное равновесие»²⁹.

Выводы, сделанные В. И. Лениным, имеют непреходящее значение. Указывая на возможности мирного сосуществования государств с различным социальным строем, В. И. Ленин учитывал экономические и военные факторы, остроту межимпериалистических противоречий, влияние национально-освободительного и рабочего движений, соотношение классовых сил, роль народных масс в каждой стране. Гениальное предвидение В. И. Лениным блестяще подтверждается на практике. Классовый, марксистско-ленинский подход к международным проблемам позволяет делать точные, научно обоснованные заключения. Именно на этой научной основе базируется Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС.

Ныне американские политологи, рассматривая понятие «национальная безопасность», наряду с военной мощью пытаются учитывать и «взаимодействие внутренней и внешней политики в самых различных аспектах—политическом, военном, социально-

психологическом»³⁰. И все же, хотя и делаются попытки включить в теорию «баланса сил» такие факторы, как народные массы, идеология, мораль и т. п., все это не меняет ни содержания, ни направленности этой доктрины—она остается империалистической и, по существу, ненаучной.

Ленинский вывод о возможности мирного сосуществования государств с различными социально-экономическими системами находит наглядное и веское подтверждение в наши дни, когда Советский Союз стал одной из самых могущественных держав, когда Вашингтон признал стратегический паритет между США и СССР. На стороне Советского Союза—прогрессивные силы всего мира. Ныне значение принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем неизмеримо возросло. Более того, мирное сосуществование стало объективной необходимостью для человечества. Раньше альтернативой ему были конфликты и войны с применением обычного оружия, теперь же речь идет о выборе между сосуществованием и ядерной войной, которая может поставить под угрозу само существование человеческой цивилизации. Отношения мирного сосуществования государств с различным общественным строем не предполагают прекращения классовых борьбы ни внутри капиталистических стран, ни на международной арене, они не устраняют идеологических противоречий между социализмом и капитализмом и не ведут к пресловутой «конвергенции» двух систем. Значение ленинского курса на мирное сосуществование государств как неотъемлемой части внешней политики социалистических стран было со всей силой отмечено в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. «Именно Ленин,—подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС,—выдвинул положение о «мирном сожительстве», или, как мы теперь говорим, мирном сосуществовании государств с различным общественным строем, которое сегодня благодаря последовательной политике социалистических стран стало одним из важнейших принципов международных отношений»³¹. Триумфом политики мирного сосуществования явилось Совещание по

³⁰ «American Defence and Detente». N. Y. 1973, pp. 3—4.

³¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М. 1970, стр. 586.

²⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 44, стр. 484.

²⁹ Там же, стр. 296.

безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшееся в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975 года. Оно явилось итогом всего позитивного, что до сих пор было сделано в Европе в деле перехода от «холодной войны» к разрядке, к осуществлению принципов мирного сосуществования на деле.

При всех претензиях ее сторонников теория «баланса сил» не имеет научной базы и не может дать объективное объяснение исторических процессов и тенденций, возникающих в международных отношениях. Как руководство к действию, эта доктрина может привести лишь к обострению международной обстановки и к вооруженным конфликтам. Когда апологеты концепции «баланса сил» призывают всех политических

деятелей разделить ее постулаты, в этом ясно видно стремление вернуть современный мир, в котором существуют противоположные социально-экономические системы, к миру, состоявшему из однотипных по своей структуре и классовой природе государств. Иными словами, обратить вспять то, что было достигнуто в ходе всемирно-исторических преобразований, начало которому положил Великий Октябрь в России. Но процесс выхода в сферу международной политики широких народных масс и возрастания их роли необратим. Поэтому будущее — за принципом мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

И. Б. Пономарева